

сказов «Дитя во тьме» и «Разлука», написанных в лучшей лоусоновской манере и опубликованных в 1915 году Лотианом в книге «Жизненные треугольники». Можно с уверенностью предположить, что эти рассказы были исключены из «стандартного» издания прозы писателя только по соображениям, связанным с издательским правом.

В сборнике много новых малоизвестных рассказов, которые достойны занимать место в любом собрании сочинений Лоусона. «Ранние годы. Фрагмент автобиографии» — захватывающий документ, показывающий, как щедро черпал Лоусон темы для своих произведений из событий собственной жизни. Помещены в сборник и те три рассказа из серии «Переулочек Элдэрмана», которые печатались в «Бюллетене». Последние

два рассказа этой серии, не включенные в настоящий сборник, были опубликованы уже после смерти писателя. «Австралийский кинематограф», прекрасный образец творчества Лоусона, свидетельствует о его мастерстве в различных литературных жанрах.

Приятно видеть в сборнике «Песнь Южных писателей» стихотворение, которое было основательно забыто после его первоначальной публикации в издании, вышедшем малым тиражом. Читатель получит удовольствие от «Песни республики», которую писатель включил в наброски к своей автобиографии, сопроводив ее замечанием: «Я привожу ее здесь не потому, что она обладает литературными достоинствами, а потому, что это моя первая и искренняя песня». Что касается произведения «Люди,

которые создали Австралию», давшего название всему сборнику, то оно не издавалось отдельной книгой в 1950 году, как ошибочно утверждалось в одной рецензии, а было опубликовано в том же году в виде политической листовки и стало уже библиографической редкостью.

Если некоторые исследователи творчества Лоусона и выскажут сожаление по поводу того, что М. Пайзер не использовала более широко архивные материалы, все же эта книга дает целостное представление о творчестве Лоусона. На суперобложке книги помещен интересный портрет писателя, выполненный Ронем Эдвардсом с фотографии молодого Лоусона.

Уолтер Стоун

Журнал «Оверленд»,
Мельбурн.

СБОРНИК РАССКАЗОВ ЧЕСТЕРТОНА

□

Г. К. Честертон. Рассказы. Москва, Гослитиздат, 1958.

□

После длительного перерыва изданы избранные рассказы Честертон. Некоторые из них появляются на русском языке впервые. Подбор для нового издания произведений этого острого, занимающего достаточно видное место в английской литературе XX века писателя очень обоснован.

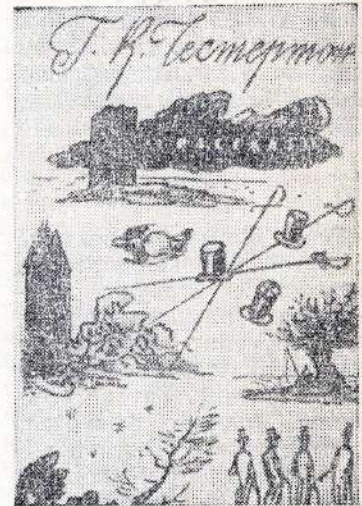
В отличие от ранее переведенных сборников, в большинстве своем повторяющих английские издания по циклам, составители собрали ряд новелл из различных циклов. Получилась книга, объединенная не проходящим через все новеллы героем, а прежде всего разо-

блачительным звучанием рассказов.

Политические взгляды Честертон, не проявившиеся в рассказах так отчетливо, как в ряде его романов, повестей и статей, — консервативны.

Буржуазным отношениям, аристократическому традиционализму и империалистической идеологии Честертон противопоставляет свою «романтическую» социальную концепцию. Она весьма экстравагантна и до смешного анахронична: через сто лет после консервативных европейских романтиков Честертон хочет воскресить «поэтическую красочность» и «веселый дух» ремесленно-цехового прошлого, при этом одним из орудий борьбы против духа наживы и эгоизма общественных верхов Англии он считает католицизм.

Само собой разумеется, что, если бы не консервативный характер честертонской критики капитализма (социализм он считает

не меньшим злом, чем капитализм), его сатирически заостренное творчество могло бы стать гораздо более значительным литературным явлением. Ориентация Честертон на некую докапиталистическую «идиллию» нередко создает ощущение несерьезности его сатиры, нарочитого оригинальничания и позерства.

Герои честертоновских рассказов — чудаки и оригиналы; прохвосты, скрывающиеся под маской респектабельности; злодеи в облике сентиментальных мечтателей; провинциальный священник и скептик-аристократ — непревзойденные разоблачители самых загадочных преступлений. Мир, в котором живут эти герои, на первый взгляд необычен, но вскоре читатель убеждается, что это неприглядная буржуазная действительность, скрывающаяся за респектабельностью, за признанными политическими авторитетами, за тем «завидным положением», которое занимают представители так называемого лучшего общества Англии.

Во многих новеллах появляется один из любимых героев Честертона, скромный патер Браун. С внешней каивностью он разбирает стандартные и плоские логические построения официальных сыщиков, распыляет ловкие жульничества и злодейские преступления, умудряясь при этом, в угоду религиозным теориям католика-автора, «очистить души» закоренелых преступников. Патер Браун становится, по замыслу автора, воплощением духа «католической церкви, обрученной со здравым смыслом».

Международный жулик Фламбо — один из «обращенных» патером Брауном персонаж ряда новелл Честертона. В рассказе «Странные шаги», неоднократно переводившемся на русский язык, Честертон привлекает Фламбо для доказательства своей мысли о весьма относительной разнице между лакеем, жуликом и английским аристократом.

По-честертоновски лаконично, как будто небрежно, с беспорным своеобразным изяществом преподносится читателю аристократический клуб «Двенадцати верных рыболовов» с его кастовостью, традиционализмом, со столь же «блестящей», сколь и ложной репутацией его членов, при их полней-

шей умственной и душевной пустоте.

Патер Браун разоблачает Фламбо, похитившего во время торжественного клубного обеда столовое серебро. Священник понял, что черный фрак Фламбо слил его фигуру в равной мере и с шеренгой клубных лакеев, и с двенадцатью джентльменами, «верными рыболовами» — обладателями таких же черных фраков. Зеленые фраки, в которые после этого случая стали облачаться джентльмены, «называвшие министров по именам», гарантировали их от досадного недоразумения и подчеркивали существенное отличие между ними и лакеями фешенебельного Вернон-Отеля.

Новелла «Странные шаги», открывающая сборник, начинается в наиболее выразительной форме целую серию честертоновских «неожиданностей», обнажающих неприглядное содержание внешне вполне благопристойных и даже иной раз импонирующих людей и ситуаций.

Путем метких наблюдений, сложных и остроумных сопоставлений патер Браун разрушил прочную репутацию английского генерала Сент-Клэра («Сломанная шпага»), воевавшего за расширение владений империалистической Англии. Знаменитый генерал оказался взяточником, развратником, наконец изменником, погубившим около тысячи английских солдат для того, чтобы среди трупов этих солдат затерялось тело убитого им молодого майора, который грозил ему разоблачениями.

Министр приканчивает мешающего ему промышленного магната («Причуда рыболова»). Прозорливым разоблачителем преступника является в этом рассказе, как и во многих других, не маленький патер Браун, а Горн Фишер, тесно связанный с аристократической средой, о которой он «слишком много знает». Если патером Брауном руководит стремление «направлять на путь истины заблудшие ду-

ши», то Горну Фишеру доставляет удовольствие лишь сам процесс анализа, догадок, логических размышлений. «Крупную рыбу» — по его признанию — он «кидает обратно в воду», потому что весьма скептически относится к возможности что-либо изменить в этом мире.

И Браун и Фишер далеки от энергичного и целеустремленного Шерлока Холмса, восстанавливающего нарушенные преступниками законы «священной» частной собственности в буржуазном мире.

При всей увлекательности и при всем остроумии рассказов Честертона, их крутые сюжетные повороты и неожиданные развязки превращаются в конце концов в испытанный профессиональный прием. Иной раз начинает казаться, что более неожиданной оказалась бы развязка, подтверждающая предположения читателя.

Показывая нам мир, «вывороченный наизнанку» (по выражению одного из честертоновских персонажей журналиста Марча), писатель так и остается при своем скептическом критицизме, без надежды на возможность коренных улучшений и без особой горечи по этому поводу.

Большинство новелл, вошедших в сборник, были переведены в 20-х годах. В целом, новые переводы лучше передают ритм честертоновской прозы, они точнее, чем удачные в общем переводы А. Карнаухова и В. Сметанича («Неверие отца Брауна») и чем очень слабые, часто искажающие смысл подлинника переводы новелл в сборнике «Сапфировый крест».

Но в некоторых новеллах (в частности, в «Странных шагах») встречаются выражения, которые звучат тяжеловесно и не совсем грамотно: «Тогда, возможно, он ответит вам и скажет, что одевается так, чтобы избежать неприятной ошибки быть принятым за лакея» (стр. 11) или: «Но так как совершенно неве-

роятно, чтобы вы достигли такого положения в высшем свете, что могли бы встретиться с кем-либо из «Двенадцати верных рыбаков», или опустились до мира трущоб и преступлений, чтобы встретить там отца Брауна, то я боюсь,

что вы никогда не услышите этой истории, если не услышите ее из моих уст» (стр. 12).

Наш читатель заинтересуется новым изданием произведений своеобразного и остроумного писателя, обладающего незаурядным

профессиональным мастерством и критически относящегося ко многим так называемым непреходящим, этическим и прочим ценностям буржуазно-аристократической Англии.

Н. Эйшишкина

ДИЛОГИЯ ВОЛЬФГАНГА ЙОХО

□

Wolfgang Joho. Der Weg aus der Einsamkeit. Berlin, Aufbau-Verlag, 1953.

Wolfgang Joho. Die Wendemarke. Berlin, Aufbau-Verlag, 1957.

□

«Путь из одиночества» — так называется первая книга дилогии немецкого прозаика Вольфганга Йохо. Это название кратко определяет центральную тему творчества писателя, тесно связанную с его собственными исканиями.

У себя на родине, в Германской Демократической Республике, Вольфганг Йохо пользуется большой популярностью. Хотя его книги стали появляться только в 1948—1949 гг., первые рассказы развлекательного характера начали печататься уже в конце 20-х годов. С тех пор писатель прошел сложный путь, много видел, много пережил. Занимаясь общественными науками, В. Йохо близко знакомится с марксизмом. В период фашизма он был арестован за нелегальную деятельность и заключен в концентрационный лагерь. Штрафной батальон и английский плен завершили писательские «университеты» В. Йохо. По возвращении на родину он становится активным участником строительства новой Германии. В. Йохо ведет большую работу в Союзе немец-

ких писателей, возглавляет еженедельник «Зоннтаг», выступает со статьями по вопросам литературы, искусства и культурной жизни. В те же годы появляются его романы «Жанна Пьерутон» (1949), «Дюжина и два» (1950), публицистика и два сборника рассказов.

Оба романа дилогии стали важным звеном в сложной эволюции писателя. Над первым из них Йохо начал работать еще в 30-е годы в Моабитской тюрьме, в 1957 году он закончил вторую книгу — «Перелом». Дилогия имеет подзаголовок «История одной семьи», однако содержание ее выходит за рамки семейной хроники и превращается в повествование о судьбах немецкой буржуазной интеллигенции за последние полвека.

Центральное место в обоих романах занимает представитель третьего поколения семьи Рамуц — Томас. Еще в ранней молодости он сумел в какой-то мере осознать убожество духовной жизни бюргерской Германии. Однако пройдет много времени, прежде чем бунтарь и мечтатель превратится в настоящего борца за новую действительность. В годы учебы в университете Томас сблизается с рабочими, участвует в демонстрации, распространяет листовки и, казалось, находит ту силу, которая может служить подлинной опорой в жизни. Но когда к власти приходит гитлеровская клика, Томас теряет его связь с коммунистической партией обрывается. И все же тяжелое время не сломило, а закалило Тома-

са. Мы видим, как герой книги помогает спасти пойманного гестаповцами коммуниста, как он мужает в школе подпольной борьбы, фашистских тюрем и концентрационных лагерей. Возвращением Томаса на родину кончается первая книга.

Хотя в романе «Путь из одиночества» автора интересует прежде всего область духовной жизни, хотя он по преимуществу повествует о жизни интеллигенции — все это представлено на широком общественно-политическом фоне.

Эпиграфом ко второй части дилогии писатель поставил строки Маяковского:

«Для веселия
планета наша
мало обобродована.
Надо
вырвать
радость
у грядущих дней».

Эти слова обретают особый смысл в условиях Германии 1945—1947 гг., когда на развалинах фашизма закладывались основы но-